



**Л**юдмила Алексеевна, со стороны ваш актерский путь кажется легким и счастливым. Множество ролей. Раннее признание. Вы ведь даже народной артисткой России стали в обход заслуженной. А потом и народной артисткой Советского Союза — одной из самых молодых. В былые времена вас называли «правительственной» артисткой: на ваши спектакли съезжались черные «членовозы», говорили, что вы пользовались особым начальственным расположением...

— Глупости все. Сплетни. Мне это-то никогда не надо было.

— У вас ведь, кажется, и в мужьях был сын генсека?

— Был! Но об этом мне не хотелось бы...

— Хорошо, оставим это... Идут годы, у вас нет недостатка в работе и признании. Вы и сейчас — Наталья Филипповна на своей сцене, вас приглашают в разные антрепризы — от знаменитого Питера Штейна с его многочасовой «Орестеей» до молодых режиссеров. Как вы сами склонны оценивать собственную жизнь и карьеру?

— Рассуждать — не моя профессия и не мой характер. Мне никогда не было свойственно выходить на публичные трибуны. Я человек камерный, мало пригодный для проповедей и... исповедей. Хотя и я вдруг обнаружила, что за жизнь столько наговорила, что стала повторяться. А то, что живет в закоулках души, выносить не хочу...

— И все-таки, как вам сейчас живется?

— В трудах, хочется думать, праведных. И в заботах. Забота о родителях, собственная достаточно напряженная жизнь и, как у всех моих коллег, необходимость выживания — умствования и рассуждения времени не оставляют.

Все, что являют общество, театр, кино, и я переживаю. Но, как не остановимы ни история страны, земли, государства, искусства, так и я живу. Все развивается по своей кардиограмме с неровностями, спадами, подъемами, пиками. Отдельно не представляешь себя вне той шеренги, в которой идешь несколько десятилетий. Жизнь всегда исполнена борьбы, испытаний, потерь и... счастья.

— А что вы сейчас делаете? Над чем работаете?

— Играю, как всегда, играю; хорошее придумано слово для определения нашей профессии на данном этапе, больше на сцене, чем в кино. Нынешнее состояние кино не могло меня не коснуться. Или нет интересных предложений, или нет спонсоров, которые помогли бы реализовать стоящие проекты. Хотя есть состоятельные друзья, но так уж устроена, что никогда для себя не попрошу. Но мне грех жаловаться. Недавно сыграла трехсотый спектакль «Идиот» с новым замечательным партнером Борисом Плотниковым. В своем же театре играю «Боже, храни короля», там — очень интересная героиня, к концу пьесы она сходит с ума; убили жениха, слепой брат, больная мать... Спектакль попадает в сегодняшний день, в Афганистан, Чечню с безумием войны и потерь, в распространное сейчас женское одиночество, когда так сложно встретить друга, мужа вровень себе, опереться на надежное плечо... Играю императрицу Марию Федоровну в «Павле I», тоже трагическую, одинокую фигуру.

Для меня всегда очень важна в работе — сориентированность на сегодняшний день, будь то героини драмы Артура Миллера «Я ничего не помню» или комедии Ива Жамиака «Мужчина моей жизни», которые я

играю в двух разных антрепризах. Хочется выступить против всеобщей продажности, цинизма, столь распространявшихся. Вернуть людям утраченные нравственные ценности. Нужно дать зрителям иное состояние, чем жизнь предлагает. Кругом разрушают. Не хочется вносить свою лепту...

— Простите. Мой вопрос деликатного свойства. Но актриса Людмила Чурсина уже не одно десятилетие на виду у зрителей. Какого возраста сегодня ваши героини?

— Всякого. Настасья Филипповна у Достоевского, как известно, — 25. Жене русского царя примерно — 50, миллеровской героине — 60. Но ведь Наталья Филипповна — это скорее не возраст, а тема, состояние души. Пока мне ничто не мешает ее играть. Состояние 25-летнего возраста я в свое время проходила, есть внутренняя память души, тела. Ведь в любой

## Людмила ЧУРСИНА:

У нее на кухне над плитой висят слова из Евангелия: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе». Почему на кухне? Но именно здесь, по ее словам, она бывает больше, чем всюду: **начинает утро, заряжается на целый день, звонит по телефону, работает... И для меня вдруг именно здесь в стерильно чистой комнатке, где мы беседовали под столь выразительным эпитафием, по-особенному высветились характер, судьба, победительная актерская карьера и слава Людмилы Чурсиной. Конечно же, слава!** Потому что, кто не знает иконно красивое лицо замечательной актрисы, **разэкранный в стольких фильмах, украшавшей многие театральные постановки когда-то в Ленинграде, а последние тридцать лет в столичном Театре Армии. Красавица. Умница. Удачливая актриса, и по театральному амплу и по личностным качествам — воистину героиня. Но вот, оказывается: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе...» Как же соотносятся в ней личная воля, труд, усилия, талант с участием Того, в кого она так свято верует?!**

работе ищешь подходящие эмоциональные состояния в прошлом, в пережитом, привлекаешь свой прожитый опыт. Иногда, правда, приходит в голову мысль, может быть, хватит, поздно играть юную героиню?! Пора и честь знать. Но главный режиссер нашего театра Борис Морозов не разделяет моих сомнений, да и я сама, когда почувствую, что мне что-то мешает, тогда уйду. А играть возрастные характерные роли я любила с юности. Это по-особенному приятное ощущение — путешествовать во времени, а потом возвращаться к собственному состоянию.

— Вас тревожит столь быстро бегущее время и неубывающий возраст?

— Нет, тревог нет. Все естественно: и юность, и взросление, и все, что происходит с тобой дальше. Кто-то из великих сказал: «Каждый возраст имеет свой свет». Приятно, конечно, выглядеть моложе своих лет, но это — конституция, тонус души.

— Смею думать, не только... Еще и неустанная работа души и тела. Помню, как в первую нашу встречу вы учили меня непременно за сезон съесть семь стаканов земляники...

— И вишни тоже...

— А умеете ли вы быть терпеливой к неудачам? Кроткой в страданиях?

— Но если вы прочли Евангелие, Библию, вы понимаете, что строптивая, не уступая, вы превратите жизнь в ад. Способность к компромиссам — высшая мудрость. Наш эгоизм требует постоянного укрощения. Великое правило: поступай с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Есть замечательное понятие — смиренномудрие. Во мне гремучая смесь разных кровей в генах: и прибалтийская, и польская, и греческая, и турецкая, хоть в результате — я русская. Для меня самое сложное — справиться с собой.



# «Я МАЛО ПРИГОДНА ДЛЯ ПРОПОВЕДЕЙ И ИСПОВЕДЕЙ»

Вос. Москва. — 1997. — 30 авг. — с. 5

Но справляешься, если есть желание совершенствоваться. Борис Зайцев, замечательный русский писатель-эмигрант, когда-то встретил черного монаха на горе Афон, позаиводвал ему, ну вы то уж, наверное, спокойны, а тот, даже тот, ответил: «Самое трудное — справиться с собственными мыслями...» Наш мозг, как обезьяна, кувыркает нас. Пока человек жив, в нем бушуют желания, страсти. Но надо успеть что-то сделать, не обязательно в искусстве, в любой доступной тебе сфере. Есть потребность отдать, поделиться, помочь, если ты что-то умеешь делать лучше других, это — суть человеческая. Мне никогда не было свойственно мечтать, выдумывать, реальная жизнь подсказывает: вот день — сумей прожить его честно и достойно! Жизнь — самый лучший драматург, самый фантазийный. Сегодня у меня внутренний настрой, желание состоять в пьесе Юрия Волкова «Ольга Киевская». Сегодня много ездю со своими спектаклями в провинцию и как бы заново открываю ее для себя. Выступала в Ульяновске, Мурманске, Новосибирске, Екатеринбурге. Какая там замечательная публика! Открытая, нуждающаяся в тебе, благодарная, жадно впитывающая, нефальшивая, непоказушная. Это я по контрасту с Москвой, которая сейчас пенный, показушный, коварный город. Там полные залы, по двадцать минут встают, аплодируют. Как важно сохранить духовные связи с другими городами, когда из-за дороговизны большие коллективы не могут подняться на гастроли, а наши приезды с небольшими камерными спектаклями не дают порушить эту связь. Российская провинция всегда питала столицу, была поставщиком ярких самобытных личностей. Такие актри-

сы, как Нонна Мордюкова, Людмила Гурченко, если сохраняют в себе эту связь, сохраняют и уникальную самобытность, непредсказуемость творчества.

— Вам никогда не хотелось написать книгу?

— Нет. Может, пока нет. Хотя первое предложение писать поступило ко мне от издательства «Молодая гвардия», когда мне было всего-то 27 лет. О чем я тогда могла написать? Теперь накопилось много встреч, состояний, переживаний. Но ведь я не буду интереснее... Федора Михайловича или... Германа Гессе? Нет, не представляю себя, к примеру, на даче, чтобы я закрылась и писала. Век и так погряз в словах, а прочтешь написанное даже великим некогда. Может, не любят обременять себя...

— Вы одна?

— Нет.

— Замужем?

— Нет.

— И детей у вас нет?

— У меня их столько было в кино...

Сегодня почему-то всех интересует интимная жизнь актрисы. Все хотят добраться к самому скрытому, заветному. Не хочу никого допускать к замочной скважине. Сегодня и так много желающих показать в себе все, от души до тела. Может быть, потому что нечем больше жить, хочется мелькнуть перед всеми любой ценой, под любым шумным заголовком. Нет, моя душа к такому не предназначена. Еще Пушкин об этом писал: «Все в себе открыть невозможно, можно быть искренним и все-таки всегда срабатывает внутренний счетчик: это можно, а это нельзя...».

Вспоминаю длинную череду персонажей Чурсиной. Обжигающе одиночество ее последней миллеровской героини... Да ведь почти всем ее

женщинам свойственна некая отъединенность от остальных. Она всегда сама по себе, гордая, независимая. И всюду какая-то infernalность, недосказанность, загадка...

Гладко зачесаны, убраны назад в тугую узел русые волосы. Ясные, строгие глаза. Спокойное, почти без косметики, будто бы только что отмытое до блеска лицо, поразительно лишенное морщин.

— Я по гороскопу — рак, человек домашний. Люблю чистоту. Когда вхожу в любой дом, для меня важно, как выглядят ванна, туалет. Чистота и порядок для меня — показатель надежности. Кругом столько сумбурности, хочется, чтобы в собственном доме было разумно, чисто. Это занимает много времени, но и отдается сторицей. Я и в примерной люблю чистоту. Пока у нас многое на уровне хамского, оскорбительного, грязного отношения к человеку, возмиме состояние наших подъездов, лифтов. Этому нужно противостоять.

Она удивительно просто одета, никаких внешних ухищрений к приходу корреспондента. Но, быть может, такая она — только дома?

— Мой стиль в одежде, чтобы было удобно, мне шло, а главное, чтобы было чисто и опрятно.

— Но сейчас появились новые возможности: туалеты от Версаче, Диора... Многие наши знаменитые дамы стали выглядеть по-новому модно, роскошно. Как вы к этому относитесь? Не завидуете ли?

— Нет. Я не унижаю свою душу подобными терзаниями. Когда живешь сообразно своим возможностям, не завидуешь, а радуешься тому, что есть, жить легче, спокойнее... Помните у Анны Андреевны Ахматовой: «Я научилась просто жить»...

Анна КУЗНЕЦОВА

Чурсина  
Морозова

30.08.97